

**ИСТОРИЯ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ**

Э. А. Гордиенко

**ДЕРЕВЯННАЯ СОФИЯ, КАМЕННАЯ ЦЕРКОВЬ ИОАКИМА И АННЫ 989 г.
И РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПРИДЕЛ В СОФИЙСКОМ СОБОРЕ 1045/1052 г.
В ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ВЛАДЫЧНОГО ДВОРА**

В 989 г. по воле великого князя Владимира Святославича на новгородский владычный престол вступил Иоаким Корсунянин, остававшийся на кафедре 42 года, до 1030 г.¹ Сразу по прибытии владыка поставил каменную церковь Богоотец Иоакима и Анны в честь своих святых покровителей и общегородской храм, дубовую тринадцативерхую церковь Св. Софии. Об этих событиях впервые сообщается в Новгородской IV летописи по списку Н. К. Никольского середины XVI в. и в Летописце церквам божиим 1670–1680-х годов², известном как Новгородская III летопись, инициатором создания которой был патриарх Иоаким II [Азбелев, с. 264–265]. В Летописце церквам божиим подробно рассказано о строительстве первого Софийского храма и поставленной на его месте церкви Бориса и Глеба: «Постави владыка Иоаким церковь деревянную дубовую святых Софии, имущую верх 13; и стояла 60 лет, и поднялася от огня в лето 6557 (1049), марта в 4 день, в субботу, при втором епископе Луки, в 13 лето. Бысть честно устроена и украшена, а стояла по конец Пискупли улицы³, над Волховом рекою, до каменного детинца града строения, идеже последи поставил Сотко богатой церковь каменну святых мученик Бориса и Глеба, в лето 6558, яже та церковь стояла в каменном городе детинце [близъ] каменной градной стены»⁴.

Старшие летописи знают о существовании деревянной Софии, но сообщают только о пожаре, в котором, по древнейшему Синодальному списку НПЛ, она сгорела в 1045 г., «в субботу, на заутрени, в час 3, месяца марта в 15», и тогда же князь Владимир заложил новый (каменный) храм Софии [Янин, 1977, с. 123–125]⁵. По младшему Комиссионному списку НПЛ, деревянная София сгорела в 1049 г. «месяца марта в 4, в день суботный... идеже ныне

¹ Новгородская первая летопись (далее — НПЛ). М., 2000. С. 159–160; ПС РЛ. Т. 4. С. 90, 113, 582, 625; Т. 16. Стб. 39–40, 315; М., 1965. Т. 30. С. 170, 177, 172; Т. 43. С. 44, 52; Новгородские летописи (далее — НЛ). С. 130, 172–173, 179–180.

² ПСРЛ. Т. 4. С. 582; Т. 43. С. 44; НЛ. С. 173. См. также: НЛ. С. 145. Примеч. †††.

³ НПЛ. С. 181. В Уставе о мостех, 1260-х годов, Пискупля локализуется «у городних ворот», от которых на запад, через греблю к Добрыне улице шел путь в Людин конец.

⁴ НЛ. С. 173. «Сотко богатой» заложил каменную церковь Бориса и Глеба в 1167 г. (НПЛ. С. 32, 181, 219). Что касается последнего упоминания Софии и церкви Бориса и Глеба у каменной стены, то это анахронизм XVII в., включивший в контекст события 1302, 1333–1334, 1400 г., когда возводились первые каменные стены детинца на южной стороне (НПЛ. С. 91, 99–100; 331, 345, 396; ПСРЛ. Т. 4. С. 390; НПЛ. С. 507).

⁵ НПЛ. С. 16; см. также: ПСРЛ. Т. 4. С. 116.

поставил Сотке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховом»⁶. Комментируя эти известия, В. Л. Янин полагает достоверным сообщение Синодального списка и в соответствии с циркамартовской датировкой уточняет год начала строительства каменной Софии — 1046-й [Янин, 1977, с. 123–125; Янин, 2004, с. 245–246].

Как видно, фонд письменных источников по истории первых двух новгородских храмов ограничен и противоречив, но особенно неудовлетворителен топографический материал. Сведения о месте сооружений либо отсутствуют, как в случае с церковью Иоакима и Анны⁷, либо, включая анахронизмы, осложняют решение вопроса о месте деревянной Софии⁸. Исследовательское мнение здесь также весьма противоречиво [Строков, Богусевич, Мантейфель, 1940; Строков, 63–75; Орлов, Воробьев, С. 5–11; Алешковский, 1962; Орлов, 1964, с. 6; Янин, 1977, с. 98; Янин, 1982, с. 82; Янин, 2004, с. 245–246; Колчин, Янин, с. 20; Носов, 1990, с. 193; Кирпичников, с. 87–88; Трояновский, 1995, с. 96–98; Казеннов].

Между тем проведенные в 1992–1993 г. специалистами Ленинградского треста инженерно-строительных изысканий инженерно-геологические и инженерно-геофизические исследования палеорельефа новгородского кремля [Петрова, с. 19–20, 23] представили убедительные данные для локализации первого духовного центра на южной, не огороженной фортификационными сооружениями территории [Буров, с. 101–103]. Здесь, между Покровско-Златоустовской (более 27 м) и Дворцово-Борисоглебской (26 м) возвышенностями [Казеннов; Схема элементов палеорельефа территории Новгородского кремля, отметки 2, 3, 9, 10,] (Ил. 1), располагалось широкое плато, создававшее самые благоприятные условия для разнообразных видов деятельности, от устройства жилых дворов до размещения сакральных объектов [Петров, Трояновский, с. 112; Петрова, Трояновский, Фирсова, с. 182]. С. В. Трояновский, П. Г. Гайдуков, М. М. Молчанов также отметили высокий «социотопографический статус» этой части городского пространства, возвышенный берег которого на излучине Волхова «мог быть одной из тех зон, где человеческая активность должна была проявиться уже на ранних стадиях заселения территории будущего города» [Трояновский, Гайдуков, Молчанов, с. 134], и поставленная «вне града» деревянная София призывала в свои стены все в большинстве своем языческое население.

В 1938–1939 г. А. А. Строков, В. А. Богусевич и Б. К. Мантейфель заложили раскоп у Спасской башни кремля и отнесли формирование культурного слоя, мощность которого достигала 4,75 м, к IX в. Находки в слоях X–XV в. свидетельствовали о дальнейшем энергичном развитии сельского хозяйства и рыболовства на этой территории [Строков, Богусевич, Мантейфель, 1939; Строков, Богусевич, с. 32; Строков, Богусевич, Мантейфель, 1940, рис. 1–12].

В начале лета 1940 г. археологические работы в южной части детинца продолжились. К северо-востоку от церкви Андрея Стратилата А. А. Строков и В. А. Богусевич заложили раскоп с целью отыскать место деревянной Софии и заложенной Сотко Сытиничем в 1167 г. церкви Бориса и Глеба с прилегающими к ней сооружениями. Снимая слои XVII–XV в., археологи раскрыли каменные фундаменты апсид Борисоглебского храма и остановились на уровне положенных под них дубовых лежней [Строков, рис. 29–32]. В 1941 г. в юго-западном

⁶ НПЛ. С. 181; ПСРЛ. Т. 4. С. 116; Т. 43. С. 53. Уточнение «ныне» в данном случае относится ко времени написания статьи, когда в 1167 г. при князе Святославе Ростиславиче и при архиепископе Илье Сотко Сытиничи поставил каменную церковь святого Бориса и Глеба, освященную только в 1173 г. (НПЛ. С. 32, 34; 219, 223). В летописи XVI в. по списку П. П. Дубровского, в записи XVII в. на правом поле сообщается о сооружении сгоревшей деревянной Софии под 990 г. (ПСРЛ. Т. 43. С. 44. Примеч. 25). В Летописи Авраамки записи о создании дубовой двенадцативерхой Софии над Волховом предшествует легендарное и не подтверждаемое другими источниками сообщение об основании владыкой Иоакимом своего Десятинного монастыря (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 40).

⁷ НПЛ. С. 181; ПСРЛ. Т. 4. С. 116; Т. 16. Стб. 40; Т. 30. С. 177, 202.

⁸ НЛ. С. 173.

углу собора, в седьмом, последнем слое, на материковой глине были обнаружены остатки углей. В. А. Богусевич отнес их к следам дубовой Софии, сгоревшей в 1045 г.⁹ По ходу работ были раскрыты фрагменты кладки и белокаменная резная капитель XII в., захоронения прусских бояр (Ил. 2). Выяснилось также, что церковь Андрея Стратилата, включая слои архитектурных перестроек XV—XVII в., стоит на остатках башни церкви Бориса и Глеба [Секретарь, 2014 а, с. 122–124].

В конце июня 1941 г. война остановила работы. Заключительные выводы А. А. Строков сделал уже в статье 1945 г., сосредоточив внимание на архитектуре церкви Бориса и Глеба, погребениях в западной части храма и других замечательных находках середины XII в. Однако вопрос о месте деревянной Софии остался без ответа [Строков].

Выводы новгородских археологов подвергаются строгой критике, и результаты довоенных раскопок в кремле считаются незначительными, не позволяющими сделать «существенные сдвиги в разрешении многочисленных проблем истории детинца» [Трояновский, 1995, с. 96–98]. Не приняты выводы о расположении Пискупли улицы, оспаривается летописное свидетельство о строительстве каменной церкви Бориса и Глеба (1167–1173) на месте деревянной Софии [Колчин, Янин, с. 20; Янин, 2004, с. 245–246].

Между тем в 1960 г. в южной части кремля М. Х. Алешковский обнаружил следы древнейшего крепостного вала, дубовые бревна которого были использованы вторично в качестве лежней при сооружении вала 1116 г. [Алешковский, 1963, с. 14–15]. С этой атрибуцией согласился А. Н. Кирпичников [Кирпичников, с. 78–80; рис. 3, 4]. Недавнее обращение исследователей к архивным материалам и находкам 1938–1940 г., в числе которых знаменитый, найденный в нижних слоях бревенчатого настила «купеческий кошелек» с разновесами, арабским дирхемом X в., а также следы обширного некрополя X–XI в. дают основание для пересмотра прежних решительных выводов. Отмечая высокий методический уровень работ 1938–1939 г., исследователи предвидят в дальнейшем «широкие возможности для исторических гипотез, в том числе о древнейшей топографии Новгорода» [Трояновский, Гайдуков, Молчанов, с. 136].

Результаты раскопок 1938–1941 г. дают основание вновь обратиться к Комиссионному списку НПЛ, где о сгоревшей деревянной Софии, стоявшей в конце Пискупли улицы, сказано: «...идеже ныне поставил Сотъке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховом»¹⁰. Подтвердить это свидетельство могут дубовые лежни, уложенные под каменным фундаментом церкви Бориса и Глеба.

Исследуя историю строительного производства Древней Руси, П. А. Раппопорт пришел к выводу, что подобные субструкции характерны для храмов конца X в. — 90-х годов XI в., и в большинстве памятников XII в. деревянные лежни отсутствуют [Раппопорт, 1994, с. 63–65]. В Новгороде, кроме Софийского собора (1045–1050/1052), следы лежней обнаружены в церкви Благовещения на Городище (1103), Никольском соборе на Ярославовом дворище (1113), Рождественском соборе Антониева монастыря (1116–1122), Георгиевском соборе Юрьева монастыря (?) (1119–1140), и завершает этот ряд церковь Климента в Старой Ладогe (1153)¹¹ [Раппопорт, 1982, с. 66–67, 73–74; Попов, с. 404; Секретарь, 2014 б, с. 235].

В церкви Бориса и Глеба (1167–1173) остатки дубовых лежней, уложенных в три ряда, как и исчезающие к середине XII в. ленточные фундаменты, представляют собой запоздалое явление в храмовой конструкции [Раппопорт, 1982, с. 70]. Но если, соглашаясь с летописью, признать, что каменная церковь стояла на месте первой Софии, то тогда ее дубовые бревна, видимо, и

⁹ Дневник В. А. Богусевича // Государственный исторический архив Новгородской области / Архив П. А. Мартынова. Л. 2.

¹⁰ НПЛ. С. 181.

¹¹ Там же. С. 19–21; 203–205.

послужили основой для фундаментной системы каменного Борисоглебского храма. Напомним о дубовых лежнях вторичного использования под крепостным валом 1116 г. между Спасской и Княжой башнями [Алешковский, 1962, с. 14–15; Кирпичников, с. 76, 87]. Упомянутые В. А. Богусевичем угли на материковой глине также, скорее всего, представляют собой следы пожара 1045 г., иначе каким образом они оказались в фундаментной части храма, заложенного в 1167 г.?

Дубовая София 989 г. служила для немногих, селившихся поблизости прихожан [Гордиенко, 2017, с. 9], но начальные признаки христианизации новгородцев обозначились тогда и в других местах города. В Неревском конце, в слоях между 972 и 989 г. (27–26-й ярусы), на мостовой Великой улицы (кв. 184, пл. 31) был найден медный крестик с изображением распятого Христа, древнейший памятник зарождения христианской веры в Новгороде [Седова, с. 49, рис. 13, 2; Янин, 1985, с. 54–56; Древний Новгород, с. 56, ил. 69; Гордиенко, 2006а, с. 18–19, рис. XII]. По убедительной гипотезе В. Я. Конецкого и К. Г. Самойлова, на усадьбе А по типу скандинавских каркасных храмов [Lagerlöf, Solt, s. 500] была поставлена деревянная церковь, по дендрохронологической шкале 989 г., портал которой украшали знаменитые резные полуколонны [Концкий, Самойлов, с. 311, 314, рис. 1, 2; Кудрявцев].

Каркасная церковь X в. в Неревском конце была не единственным примером скандинавской конструкции, и тринадцативерхая София, видимо, также следовала облику норвежских деревянных мачтовых церквей с их остроконечными кровлями. Норвежские храмы относятся к XI–XII в., но, учитывая, что в Дании первые каркасные строения появились гораздо раньше, норвежцы могли перенять этот опыт, оставивший свой след и в ранних новгородских храмах. Новгородский владыка должен был с пониманием отнестись к необычному для византийской традиции образу новгородских церквей X в., хотя его домовый храм Иоакима и Анны следовал византийской традиции.

В городе, где христианская вера совершала начальные шаги, этих храмов было вполне достаточно, и даже возведенный в 1045–1050/1052 г. каменный Софийский собор¹², заменив собой сгоревший к тому времени деревянный храм, мог поместить в своих стенах все христианское население города.

Храмовое строительство возобновилось через полстолетия, когда в 1103 г. Мстислав Владимирович заложил каменную церковь Благовещения на Городище. Следующим был созданный им же в 1113 г. Никольский собор на Ярославовом дворище¹³. В ряду княжеских сооружений свое место занимает построенная неким Воигостом в честь святого покровителя князя Мстислава церковь Феодора Тирона 1115 г. в конце Щирковой и Розважей улиц [Булкин, с. 20; Филиппова, Кузьмина, с. 176–179]¹⁴. В 1127–1130 г. рядом с Ярославовым дворищем князь Всеволод Мстиславич возводит церковь Рождества Иоанна Предтечи на Петрятине дворе «во имя сына своего»¹⁵. В 1135 г. на месте сгоревшей в 1134 г.¹⁶ деревянной церкви князь Всеволод, очевидно, в память о погибших новгородцах в битве на Ждане горе¹⁷ заложил каменную церковь Успения Богородицы, строительство которой завершилось только в 1144 г., уже при брате Всеволода Святополке¹⁸.

Княжеская инициатива отозвалась в начавшемся монастырском строительстве. В 1117–1127 г. на северной окраине города, на правом берегу Волхова Антоний Римлянин основал

¹² Там же. С. 16, 181.

¹³ Там же. С. 20, 21, 22, 27–28; 204, 205, 207.

¹⁴ Там же. С. 20, 204; ПСРЛ. Т. 4. С. 142, 584.

¹⁵ НПЛ. С. 21, 22; 206.

¹⁶ Там же. С. 23; 207–208.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 27.

монастырь Рождества Богородицы¹⁹. На противоположном, южном конце города князь Всеволод Мстиславич с игуменом Кириаком в 1119 г. закладывают в древнем Юрьевом монастыре грандиозный каменный Георгиевский собор²⁰.

Следующий этап христианизации новгородского общества выразился в энергичном приходском строительстве, инициатором которого выступил архиепископ Нифонт (1130—1156). Тогда в разных концах города один за другим построили восемь уличанских храмов²¹, а в 1153 г. игумен Аркадий в основанном им монастыре поставил деревянную церковь Успения, чтобы было «крестьяном прибежище, ангелом радость, а дьяволу пагуба»²².

В 1146 г. в числе приходских храмов свое место заняла и деревянная (?) церковь Бориса и Глеба «в граде»²³. Вместе с одновременным смоленским храмом (1145) она была посвящена первым русским святым, избранным покровителями города или отдельной группы людей. Тогда новгородский стол занимал Святополк Мстиславич (1142—1148), и его инициативой могло быть возведение церкви Бориса и Глеба в кремле, где в 1116 г. отец, Мстислав Владимирович, «поставил город более первого»²⁴.

Вместе с тем храм первых русских мучеников сразу стал культовым символом жителей Прусской улицы, и в подтверждение этого в 1167—1173 г. Сотко Сытиничь возводит каменную церковь Бориса и Глеба на месте сгоревшей дубовой, утвердив тем самым изначальное значение этой территории как общественного духовного центра [Янин, 2004, с. 245—252]²⁵. Только теперь главным становится Борисоглебский храм, и уже не князь возводит большой храм, а единожды упоминаемый в летописи богатый горожанин Сотко.

В. Л. Янин определяет Прусскую улицу как самостоятельное политическое образование в кончанской системе Новгорода, а церковь Бориса и Глеба — как вечевого центр пружан. В облике этого храма осознается обращение к традиции больших соборов первой четверти XII в., но вместе с тем в общественной жизни города рождается новая тенденция. Противопоставленная княжеской власти, она отражает силу, независимость и богатство новгородского боярства, один из самых влиятельных кланов которого в то время составляли прусские бояре [Янин, 1981, с. 245—252].

Строительство церкви началось при князе Святославе Ростиславиче (новгородское княжение 1158—1160; 1161—1167)²⁶, занявшем дружественную позицию по отношению к Суздалью. Той же политической линии следовало и прусское боярство, что наглядно проявилось в архитектуре Борисоглебской церкви.

Во время раскопок 1941 г. у юго-восточной пилястры была найдена резная капитель из мелкозернистого белого известняка [Раппопорт, 1982, с. 66—67]²⁷ (Ил. 2). Из такого камня сложены владимирские и московские храмы. Однако белый известняк не встречается в новгородских каменных карьерах, следовательно, в декоративном оформлении храма был использован привозной материал. Местонахождение капители свидетельствует также о ее принадлежности южному portalу, перспективный профиль которого, видимо, завершался резными ливенными капителями²⁸. В новгородском зодчестве никогда не было подобных украшений, и образцом в данном случае послужили владимирские храмы середины XII в., в

¹⁹ Там же. С. 20; 204.

²⁰ Там же. С. 21; 205.

²¹ Там же. С. 23, 27—29; 207, 208, 213—214, 215.

²² Там же. С. 29; 215.

²³ Там же. С. 27; 213—214.

²⁴ Там же. С. 204; ПСРЛ. Т. 4. С. 142.

²⁵ НПЛ. С. 32; 219.

²⁶ Там же. С. 31—32; 218—220.

²⁷ Дневник В. А. Богусевича. Л. 14.

²⁸ Там же. Л. 14—15.

убранстве которых важнейшую роль выполняла белокаменная резьба [Воронин, с. 178–179, 238, 247, 271, 290, 386; рис. 68, 69, 114, 120, 131, 144, 179а; Раппопорт, 1977; Иоаннисян, 2005, с. 34–37, ил. 38]. Не случайно, видимо, вспоминал летописец о сгоревшей в 1262 г. церкви: «горазда бо бяше и лепа»²⁹.

В 1167–1207 г. идет дальнейшее преодоление княжеской воли [Янин, 2001, с. 62–65, 83]. На социальную поверхность выходят широкие слои городского населения, «огнищане, гридьба и купцы вятские»³⁰, и собственное право горожан материализуется в невиданно интенсивном храмовом строительстве. Тогда почти каждый год строилась деревянная или каменная церковь, а в другие годы ставили сразу от двух до пяти храмов [Гордиенко, 2006б, с. 54–57, 59]³¹. И открывает это необычайное явление церковь Бориса и Глеба в кремле, утверждая и продолжая издревле заложенную традицию храмового созидания на этом месте.

В 1262 г. церковь Сотко сгорела от грома³², и 29 июля 1300 г. в восстановленном храме знаменовался на владычную кафедру Феоктист. По случаю этого события в Новгород прибыли митрополит московский Максим, епископы ростовский Семен и тверской Андрей³³. Это единственное в истории новгородской церкви знаменование подчеркивало политическое значение действия, совершавшегося на территории, освященной традицией общегородского центра [Янин, 2004, с. 246]. В XIV в. Борисоглебский храм становится символом воинской доблести [Янин, 2004, с. 248–251], и в 1351 г. в память об успешном «Ореховском взятии»³⁴, состоявшемся «милостью божьею и святей Софеи заступлением, и молитвами Пресвятыя владычица Богородица наша... и святою мученику Христову Бориса и Глеба помощью»³⁵, архиепископ Василий обновил церковь «ореховским серебром»³⁶. В 1441 г. архиепископ Евфимий с помощью новгородцев возобновил храм «на старой основе». По «Семисоборной росписи» конца XV в. церковь Бориса и Глеба в кремле, в Михайловском соборном участке занимала свое место среди 14 больших храмов [Янин, 1976, с. 111–112, 115]³⁷.

Сооруженные одновременно, дубовая София и каменная церковь Иоакима и Анны исполняли разные функции. Однако стоявший на южной стороне общественный храм³⁸, сначала деревянная София, а затем церковь Бориса и Глеба, и домовый храм владыки на северной стороне детинца не могли остаться без сообщения, и с самого начала коммуникационную функцию по определению должна была исполнять Пискупля (Епископская) улица. Согласно Уставу о мостех 1260-х годов [Алешковский, 1973, с. 103]³⁹, она подходила к «городним воротам» у Спасской башни, откуда через греблю шел путь в Людин конец.

В. Л. Янин полагает, что Пискупля, продолжая Великую улицу Неревского конца, направлялась через ворота к Федоровской башне и завершалась на берегу Большого оврага [Казеннов, с. 138, 140], недалеко от юго-восточного угла нынешних Митрополичьих покоев [Янин, 1982, с. 82; Янин, 2004, с. 245–246; Петров, с. 22–26].

Но, видимо, это был только начальный участок улицы, и с 989 г. она соединяла каменную церковь Иоакима и Анны с деревянной Софией. По материалам социальной топографии южной части кремля В. А. Буров убедительно подтвердил вывод новгородских археологов о

²⁹ НПЛ. С. 83, 311.

³⁰ Там же. С. 32, 219.

³¹ Там же. С. 32–50; 219–247.

³² Там же. С. 83, 311.

³³ Там же. С. 91, 330.

³⁴ ПСРЛ. Т. 4. С. 280; Т. 16. Стб. 83; Т. 43. С. 118; НЛ. С. 181.

³⁵ НПЛ. С. 361.

³⁶ НЛ. С. 230.

³⁷ НПЛ. С. 91, 92; 331, 332.

³⁸ НПЛ. С. 181; ПСРЛ. Т. 4. С. 116; Т. 16. Стб. 40; Т. 30. С. 173; НЛ. С. 2, 173.

³⁹ НПЛ. С. 507.

расположении и дальнейшем направлении древней Пискупли улицы от каменного Софийского собора до Спасской башни [Буров, с. 24–25]. До 1045/1046 г. на Пискупли стояла деревянная София, в 1146 г. сооруженная «в граде» деревянная церковь Бориса и Глеба, а в 1167–1173 г. — каменная церковь первых русских святых⁴⁰. Впоследствии по этому пути совершались крестные ходы, направлявшиеся от Софии к Входуиерусалимскому собору (1337), церквям Похвалы Богородицы (обновлена в 1536 г.), Преображения у Спасских ворот (1264, 1426), далее в Людин конец, по Добрыне улице до церкви Иакова [Голубцов, с. 137, 156, 177, 180, 186, 200, 256–259] и оттуда к легендарному месту, где в 1170 г. с помощью иконы «Богоматерь Знамение» новгородцы одолели суздальцев⁴¹.

Выполняя коммуникационную функцию, Пискупля с северной стороны соединялась с Великой улицей Неревского конца [Янин, 1982, с. 82], с южной стороны в Людином конце ее продолжала Пробойная улица. Подобная дистанция представляла собой типичную для средневекового города береговую линию, так называемую «планировочную ось» [Трояновский, Гайдуков, Молчанов, с. 135], хорошо известную по планам средневековых прибалтийских городов.

Но если на южной стороне будущего детинца располагалось обширное холмистое плато, удобное для широкого строительства, то отделенная от нее Большим оврагом северная сторона представляла собой относительно небольшую, пересеченную водными потоками территорию с тремя локальными возвышенностями от 20 до 28 м.

Исследования Г. М. Штендера и Б. Д. Ершевского уточнили облик и естественные границы этой территории, обозначенной двумя рукавами впадавшего в Волхов ручья (Ил. 3, 1). Один из них, расположенный за нынешней северной крепостной стеной, исходил от ветхого русла Большого оврага, следуя вдоль прясел Митрополичьей, Федоровской и Владимирской башен (Ил. 3, 2). Естественную природу этой части рва отмечал и М. Х. Алешковский [Алешковский, 1962; Носов, 1995, с. 6].

Как выяснилось в результате почвенных бурений [Кушнир, 1960, с. 217–225; Кушнир, 1964, с. 226–228; Кушнир, 1975, с. 177–179], другой рукав, направляясь в сторону Владимирской башни [Петрова, Трояновский, с. 54–55; № 191–193, 198–204]⁴², у берега Волхова смыкался с северным рукавом, определяя южную границу небольшого острова, образованного этими потоками [Штендер, 1980, с. 7–8] (Ил. 3, 3). Выводы Г. М. Штендера и Б. Д. Ершевского совпали с исследованиями М. Х. Алешковского у Владимирской башни в 1960 г. Тогда с наружной стороны крепостной стены конца XV в. обнаружили следы направлявшегося к Волхову «молодого овражка», в русле которого остались фрагменты двух челнов [Казеннов, с. 140–141]⁴³, оказавшихся там, видимо, не случайно.

Засыпанный к середине XI в. [Штендер, 1980, с. 7–8] южный ручей (Ил. 3, 3) в настоящее время дает о себе знать выходами грунтовых вод, которые появляются в виде верховодки в юго-восточном подвале Крестовой (Грановитой) палаты. Возможно, для пропуска таких грунтовых течений в юго-западном углу подвала на уровне пола был проделан небольшой пологий арочный проход (Ил. 4). Следы верховодки возникали в результате искусственного заполнения рыхлыми насыпными грунтами палеопонижения, представлявшего собой русло ручья [Дзецкер, Казеннов,

⁴⁰ Там же. С. 27, 32, 34; 181, 213–214, 223; ПСРЛ. Т. 4. С. 116, 161, 583.

⁴¹ НПЛ. С. 33, 221.

⁴² Штендер Г. М., Ершевский Б. Д. Планы и разрезы в средней части Никитского корпуса // Архив НФИ «СПр». Б/№, шурфы 1–5; Воронова М. Н. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях Никитского корпуса в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12342, шурфы 1, 2. С. 3–7; *Ее же*. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в Никитском корпусе в кремле в 1991 г. // Архив ИИ РАН. С. 2–11, шурфы 1–7; Архив АРМ-5 «СПр». № Р-1004.

⁴³ Алешковский М. Х. Внутренняя сторона Федоровско-Владимирского прясла: Конструкция вала до материка // Отчет об археологических раскопках и наблюдениях за земляными работами на территории Новгородского кремля в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2086. С. 9–13.

с. 130], в данном случае, возможно, определившего и Никитское понижение [Казеннов, с. 141]. Направление ручья засвидетельствовано также фрагментами древней водоотводной системы. Часть ее, дубовая дренажная труба XV в., была вскрыта И. В. Антиповым в 2007 г. [Антипов, № 3, ил. 2, 5] (Ил. 5).

К этой системе принадлежал, вероятно, и деревянный сруб, раскрытый в 1996 г. на этой же территории [Трояновский, Корчагина, Стеценко, с. 12–19]. Отсутствие отводных труб, глиняная обмазка между бревнами позволяют видеть в этом срубе поглотительный колодец. Принцип действия подобных сооружений, расположенных на более низком уровне вдали от естественных водоемов и проездных башен, заключался в собирании в таких колодцах грунтовых и сточных вод, уходивших в грунт и удалявшихся естественным путем. С помощью подобных резервуаров, «бочек без дна», осуществлялись повороты трассы уличных коллекторов на Неревском конце [Медведев, с. 208–221]. Кремлевский сруб (колодец?) располагается на углу водоотвода XV в. По наблюдению С. В. Трояновского, «к востоку от сруба прослеживался лоток дренажной канавы шириной 1,5 м» [Трояновский, Корчагина, Стеценко, с. 13–14]. В 1955 г. Н. А. Чернышев нашел следы водоотвода, идущего вдоль северного (дворового) фасада Митрополичьих покоев в сторону хозяйственного двора [Петрова, Трояновский, с. 58–59; Петрова, с. 23; Трояновский, 1998, с. 60–62].

Существование на этой территории водного потока подтверждают результаты раскопа, заложенного в том же юго-восточном углу нижнего (подвального) этажа Крестовой палаты. По мнению И. В. Антипова, исследовавшего эту часть здания, в раскрытом шурфе было «...зафиксировано несколько углистых прослоек, перекрытых песчаными подсыпками, что может свидетельствовать либо о постоянных пожарах, случавшихся на данной территории, либо, что более вероятно, на данном участке... велась активная производственная деятельность... Наличие мощного слоя с отходами железоделательного производства, лежащего на переотложенном материковом слое (а значит, возможна его датировка — XI в.), является дополнительным аргументом для этого предположения» [Антипов, Булкин, Жервэ, с. 44].

Известно, что железообрабатывающие производства располагались непосредственно у месторождения железных руд, формирование которых происходило в заболоченных или очень влажных местах, в долинах рек и озер [Колчин, с. 36]. «Железная гривка», залегающая в русле старого ручья, на территории будущей городской крепости, также могла быть освоена первыми новгородскими металлургами.

Путь южного ручья завершал родник, на котором в 1409 г. архиепископ Иоанн поставил водосвятный колодец⁴⁴. В первом Остермановском томе Лицевого Летописного свода (события 1378–1424 г.) этот родниковый колодец изображен за кремлевской стеной⁴⁵.

В конце XV в., после возведения великим князем Иваном III нового кремля (1484–1499) [Янин, 1978, с. 259–260; Мильчик, с. 186–188, примеч. 8 на с. 201], образовавшиеся тогда Тайничные ворота пропустили через себя широкое (32 м), засыпанное к тому времени русло старого потока. По церковному чину 1 августа, на праздник Происхождения честного и животворящего креста Господня для совершения малого водосвятия к источнику совершался крестный ход. Шествие выходило из северного портала Софийского собора и, направляясь к церкви Спаса Милостивого, через Тайничные (Водяные) ворота выходило к роднику («тайнику»), расположенному за кремлевской стеной [Гордиенко, 1999, с. 62].

В 1660–1664 г. на том же месте к Каменному городу на «старом окладе» был «приделан» деревянный рубленый городок с четырьмя башнями. По описанию 1667 г. в этом Тайничном городке помещался крытый тесом колодец, и около него на карауле стояло 5 человек

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 4. С. 409; Там же летопись по списку Н. К. Никольского. С. 605; Т. 43. С. 168.

⁴⁵ БАН. 31.7.30. Т. I. Л. 1581.

переменявшихся в сутки стрельцов⁴⁶. Изображение городка известно по плану кремля на иконе «Богоматерь Знамение» начала XVIII в. [Кузьмина, Филиппова, 1997, с. 20, рис. 8; Янин, 1999, рис. 15a]. Поздние источники удостоверяют первоначальный облик северной островной территории.

Инженерно-геологические исследования палеорельефа к востоку от Митрополичьей и Воскресенской башен показали локальные возвышенности с абсолютными отметками 27 м и 25 м [Казеннов, с. 139; Схема элементов палеорельефа..., отметки 4,5; Кузьмина, Филиппова, 2007, с. 255–256, № 6] (Ил. 1).

В 1980–1981 г. В. А. Понсов по заданию Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината с целью выяснения причин деформации восточной стены Лихудова корпуса заложил раскоп у его юго-восточного угла. Тогда был найден верхний ярус деревянной конструкции древнего крепостного вала⁴⁷. В 1985–1988 г. работы продолжила М. А. Воронова. На глубине 2,9 м обнаружались разделенные срубными стенками деревянные городни вала, лежавшие на нетронутом культурном слое с сохранившимися остатками хозяйственной постройки, по дендродате 962 г. [Петрова, Трояновский; Носов, 1995, с. 6–10]⁴⁸ — убедительные следы поселения X в. (Ил. 6).

Здесь, на малом острове, и поселился Иоаким Корсунянин, обозначив начальную историческую точку формирования Владычного двора [Янин, Алешковский, с. 37–38; Янин, 1982, с. 79–82; Кирпичников, с. 87]. В 1044 г. князь Владимир Ярославич заложил первую новгородскую цитадель⁴⁹, деревянные городни которой у Владимирской башни были обнаружены М. Х. Алешковским в 1957 и 1959 г. [Алешковский, 1962, с. 7–12; Трояновский, 1998]. Эти стены защищали Владычный двор с северной стороны.

Тринадцативерхая деревянная София, каменная церковь Иоакима и Анны, церковь в Неревском конце обозначили первые шаги христианства на новгородской земле. Но в этом списке нерешенным остается вопрос о расположении каменной епископской церкви Иоакима и Анны.

В 1045–1050/1052 г. по велению князя Владимира Ярославича и его отца киевского князя Ярослава Мудрого, при епископе Луке был построен каменный Софийский собор⁵⁰ (Ил. 7). Храм расположился на большом острове, образованном правым (южным) берегом Большого оврага и отделявшемся от него рукавом южного ручья у малого острова (Ил. 3, 4).

В летописи под 1108 г. впервые упоминается придел Иоакима и Анны, когда преставившийся владыка Никита был положен «у святей Софеи в Акима и Анны»⁵¹. Придел располагается в южном малом нефе и, по наблюдению В. Г. Брюсовой, представляет собой «низкую пристройку между апсидами главного алтаря и Рождественского придела, но, в отличие от каменной кладки собора, стены его были выложены из кирпича, что свидетельствует о его позднем происхождении». Исследовательница предполагает, что, как «хранитель престола древнейшей новгородской церкви», придел был устроен после разрушения первоначальной церкви Иоакима и Анны [Брюсова, с. 42].

⁴⁶ Отписка воеводы Г. С. Куракина о ремонте на Софийской стороне. 1660, ноября 25 // Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства. М., 1986. Т. I. С. 102; Описание и роспись ремонта Каменного города // Там же. С. 125–126; Отписка воеводы Д. А. Долгорукова о состоянии деревянного города. 1668 г., марта 18 // Там же. Т. II. С. 174.

⁴⁷ Понсов В. А. Научный отчет. Археологические раскопки на территории Новгородского кремля в 1981 г. // Архив НФИ «СПр». № Р-1603. № 170–172; С. 13.

⁴⁸ Воронова М. А. Научный отчет об архитектурно-археологических исследованиях Лихудова корпуса в Новгородском кремле в 1985 г. // Архив НФИ «СПр». № Р-2001; [Воронова, с. 73–75]. См. также: Никольская Г. П. Комплексные научные исследования: Лихудов корпус. Т. 2. Кн. 6. Ч. 4. Шурфы. 1988 г. // Архив НФИ «СПр». № Р-2330, шурф 1.

⁴⁹ НПЛ. С. 181.

⁵⁰ НПЛ. С. 16, 181; ПСРЛ. Т. 4. С. 116–117; Т. 16. Стб. 41; НЛ. С. 130; 181–184.

⁵¹ НПЛ. С. 473; ПСРЛ. Т. 4. С. 140, 584, 625; НЛ. С. 174.

Источники свидетельствуют также, что придел Иоакима и Анны был основан значительно позднее, и сообщение старших летописей, видимо, является либо анахронизмом, в котором отразилась память о древнем храме, либо, как следует из перечня новгородских епископов в Комиссионном списке НПЛ, придел существовал в XV в.⁵²

В летописи по списку Н. К. Никольского в 1550 г. при архиепископе Феодосии «по цареву слову великого князя Ивана Васильевича, дьяки новгородские Дмитрий Срыпицын и Ишук Бухарин, сметав старую дьячью» каменную избу за Софийским собором, обнаружили много гробов и костей⁵³. Открытие, вероятно, произошло на месте кладбища [Янин, 1988, с. 169–178], образованного во время мора 1421 г., когда «наметаша мертвых три скудельнице, *одину во святей Софеи за олтарем* (курсив мой. — Э. Г.)...»⁵⁴. На месте дьячей избы князь великий «велел туто быти церкви во имя Иакима и Анны, понеже в то время родися дочь Анна...»⁵⁵.

Но тогда, вероятно, поставили только каменную палатку [Янин, 1988, с. 169–178]⁵⁶, обозначившую место захоронений, а в южном малом нефе Софийского собора устроили придел Иоакима и Анны, о котором в летописи по списку Н. К. Никольского сказано: «И свящаша *церковь* (курсив мой. — Э. Г.) камену лета 7058 (1550), месяца декабря 9, и положиша в церкви тех, которых тела не распалися, числом 16, [а кости събрав, положили оу святей Софии]»⁵⁷. В восточной стороне придела «водрузили божественную трапезу», кирпичная стена которой закрывала существовавший ранее проход в южный неф с восточной стороны (Ил. 8).

В 1558 г. при святителе Пимене открыли гроб Никиты [Янин, 1988, с. 169–178]⁵⁸, и выяснилось, что захоронение святителя 1108 г. перекрывала кирпичная стена, видимо, «божественная трапеза» 1550 г., подтвердив наблюдение В. Г. Брюсовой об устройстве Иоакимовского придела в XVI в. [Брюсова, с. 42]. Придел обновили, о чем подробно рассказано в Похвальном слове, написанном Зиновием Отенским в 1565 г. Из текста его следует, что действие происходило в церкви Иоакима и Анны. Однако в последовательности рассказа выясняется, что речь идет о софийском приделе: «многую теснотою объята» церковь (узкий южный неф. — Э. Г.) располагалась между «крестохранительницей» (диаконник Софийского собора. — Э. Г.) и стеной «великия церкви, яже от полудне» (то есть у северной стены Рождественского придела, располагающегося с южной стороны храма. — Э. Г.) [Брюсова, с. 42–46]⁵⁹. Новая апсида, черту которой, согласно Похвальному слову, «сотворил» явившийся в сновидении некоему мужу (Федору Сыркову?) епископ Лука, объединила восточную сторону малого южного нефа с алтарным полукружием Рождественского придела [Брюсова, с. 43–44, рис. 1, 2] (Ил. 9). Мощи епископа Никиты положили в новый деревянный ларец и поставили под арочным проходом в Рождественский придел. В XVII в. Иоакимовский придел был расширен, и с северной стороны устроен придел Избиения младенцев [Макарий, 1862, ч. 1, с. 71; Брюсова, с. 42–46, рис. 1, 4]⁶⁰.

Царская семья уделяла большое внимание приделу Иоакима и Анны, оставляя в нем памятные дары, среди которых особую ценность представлял собой великолепный, укрытый серебряным окладом иконостас. В 1833 г. иконостас был перенесен в Рождественский придел [Гордиенко, 2001, с. 232]⁶¹. В Софийском соборе ни один другой алтарь, за исключением главного,

⁵² НПЛ. С. 473.

⁵³ ПСРЛ. Т. 4. С. 621–622.

⁵⁴ НПЛ. С. 414.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 4. С. 621–622.

⁵⁶ НЛ. С. 379.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 621–622.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 30. С. 183.

⁵⁹ РНБ. Софийское собр. № 1356. Л. 306–364.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 30. С. 183, 190.

⁶¹ Описи имущества Софийского собора 1833 г. / Публикация Э. А. Гордиенко и Г. К. Маркиной // НИС. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 509, 535–532; Описи имущества новгородского Софийского собора XVIII — начала XIX в. / Составители: Э. А. Гордиенко, Г. К. Маркина. М.—Л., 1988. С. 100–101.

не мог сравниться с Иоакимовским по количеству произведений иконописи и шитья, серебряных сосудов, панагий, крестов, гривен басменных и витых, рукописных и печатных книг⁶². Видимо, это и была церковь, которую царь хотел видеть, увидел и щедро ее украсил.

В сентябре-октябре 1944 г. Н. И. Брунов и Н. Д. Травин провели архитектурно-археологические исследования Софийского собора, заложив 39 шурфов, в основном в Рождественском приделе (Ил. 10). Стены его, как отмечают исследователи, «отчасти прикрывают собой наружные лопатки первоначального здания, оказавшиеся в настоящее время внутри самого придела и его апсиды». Под конхой апсиды были найдены следы сбитой верхней части выходившей наружу лопатки древнейшего здания. На месте «упавшего куска штукатурки снаружи, слева около южного портала Софии обнажился кусок древней кладки между порталом и смежной лопаткой». При этом открылось «основание арки, не совпадавшей с аркой современного портала и сдвинутой к западу по отношению к современному portalу. Кривая основания арки указывала на то, что проем, перекрытый древней обнажившейся аркой, был шире, чем проем современного портала» [Брунов, Травин, с. 26–29, рис. 17, 18].

На основе этих наблюдений исследователи пришли к выводу, что открытые фрагменты кладки относились к южному притвору, который в верхней своей части двумя арочными проемами открывался на площадь, и что подобные притворы могли находиться на западной и северной папертях⁶³. В последовательности своих рассуждений Н. И. Брунов и Н. Д. Травин сделали вывод, что угол южного притвора выглядел так, как будто он был образован стыком южной стены основной части Софии со стеной притвора [Брунов, Травин, с. 31–34].

Однако примыкание, видимо, было не со стеной притвора, а с остатком западной стены древней церкви Иоакима и Анны у столба, на южной лопатке которого теперь находится роспись с изображением Константина и Елены. И если заменить слова «южного притвора» на «западной стены церкви Иоакима и Анны», тогда, видимо, можно предположить, что здесь находился северо-западный угол древней церкви Иоакима и Анны.

А. И. Комеч, определяя функциональное назначение галерей Софийского собора как придельных храмов, равных по ширине центральному нефу, подчеркивая их решающую роль в композиции собора, не находит мотивированных причин подобной конструкции. Единственным случаем для XI в. является также сдвиг западных стен восточных приделов к западу. Достоверную причину подобных новшеств А. И. Комеч находит в требовании заказа, определившего ширину галерей, сдвиг западной алтарной стены и вынужденную высоту второго этажа [Комеч, 1976, с. 149–150; Комеч 1987, с. 240–241; Штендер, 1977, с. 30–54; Штендер, 1982, с. 6–28].

Между тем требование заказа, видимо, было продиктовано стремлением сохранить церковь Иоакима и Анны на месте будущего Рождественского придела. Оставаясь в параметрах древнего храма, он обусловил ширину центрального нефа и северного придела. С возведением галерей каменного Софийского собора первая церковь Иоакима и Анны, как видно, не была полностью разобрана, и обнаруженные Н. И. Бруновым и Н. Д. Травиным фрагменты первоначальной кладки в некоторой степени разъясняют или скорее вновь открывают вопрос о происхождении древнего храма.

Г. М. Штендер, комментируя выводы Н. И. Брунова и Н. Д. Травина, приводит наблюдения из своей практики: «В древности, — пишет он, — во время строительства вертикальные элементы примыкающих друг к другу объемов выводились впритык без перевязи со смежными конструкциями. При этом более поздние добавления (пристройки) по строительной технике и материалам часто неотличимы от древнейших конструкций в силу незначительного временного

⁶² Опись Новгорода 1617 г. / Общ. ред. чл.-корр. В. Л. Янина. М., 1984. Ч. 2. С. 34–36. Отметим, что Опись 1617 г. представляет состояние придела XVI в., имущество которого зафиксировано в описях XVIII в. (Описи имущества новгородского Софийского собора XVIII — начала XIX в. С. 100–104).

⁶³ Эта гипотеза не была принята.

разрыва между ними, т. е. единства строительной эпохи. Поэтому чрезвычайно трудно, а иногда невозможно выделить замысел древнего зодчего в такой многослойной композиции...» [Штендер, 1977, с. 32–33, 39–41, 50; Штендер, 1982, с. 6–11]. Тем не менее реальные результаты и выводы работ Н. И. Брунова и Н. Д. Травина позволяют видеть в них убедительные аргументы, определившие следы древнего здания.

В 989 г. церковь Иоакима и Анны представляла собой «упрощенный, приспособленный для нужд небольшого количества людей вариант» [Иоаннисян, 2013], подобный однефным, бесстолпным базиликам на территории христианского мира, распространенным по берегам Черного моря от Востока до Запада [Виноградов, Ёлшин, ил. 2, 4]. Возможно, алтарная часть Иоакимовской церкви снаружи не выделялась, о чем свидетельствует след сбитой наружной лопатки под конхой Рождественского придела [Брунов, Травин, с. 32–33].

Новгородская базилика была сложена из добываемого в карьерах Поозерья местного материала: бурого ракушечника, серого известняка с использованием изготавливаемой плинфы. Но, как отмечает А. И. Комеч, обнаруженные в нижних частях апсиды светлоглиняные плинфы привезены, очевидно, из Киева [Комеч 1987, с. 237]. В интерьере церкви Иоакима и Анны, видимо, использовались и привозные резные камни. Осознавая необходимость создания собственного храма в назначенной ему епархии, епископ Иоаким предусмотрительно мог привезти из Корсуни детали алтарной преграды и престола. При возведении каменного Софийского собора светлоглиняная плинфа и фрагменты резных камней использовались уже как вторичный материал. Часть алтарного парапета X в. в настоящее время находится в купольном завершении лестничной башни [Гордиенко, 2005, с. 16, 18] (Ил. 11).

В исследованиях каменного Софийского собора почти не затронута причина устройства малых узких нефов (Ил. 7, 12, 1). А. И. Комеч определяет арифметический модуль образования этих конструкций, не называя условия подобного расчета [Комеч, 1987, с. 238]. Между тем, чтобы начать строительство большого собора, необходимо было отступить от оставшейся на своем месте церкви Иоакима и Анны (где служили еще семь лет)⁶⁴, и тогда расстояние между старым зданием и новым собором определило план строительства и его дальнейший ход. Следуя принципу симметричного взаимоотношения объемов, зодчие были вынуждены создать подобный узкий неф и с северной стороны. Примкнувшая к нему галерея, равная по ширине южной, своей северной стеной пришлась на берег засыпанного ручья (Ил. 3, 2), что стало причиной ее неоднократного обрушения и последующих обновлений [Штендер, 1982, с. 17, примеч. 57; с. 19, примеч. 58]. В малом северном нефе алтарная часть не обозначена, восточная сторона была замкнута стеной. Компартимент использовался как хозяйственное помещение, также весьма полезное и необходимое в церковном обиходе. Туда, «в стену», в период печного действа сносили разобранное большое паникадило [Макарий, 1861, с. 8, 9, примеч. 1].

Южный малый неф, освященный устройством в нем придела Иоакима и Анны, воспринял память о первом новгородском каменном храме. Но если Рождественский придел был устроен на месте церкви Иоакима и Анны, тогда почему он не был освящен как предшествующий храм? Видимо, первое посвящение и стало причиной нового, в котором Рождество Богородицы является главным событием жития Иоакима и Анны. Богородичные праздники по церковному календарю отмечались вслед: Рождество Богородицы — 8 сентября, день Иоакима и Анны — 9 сентября [Пентковский, с. 279–280]. В Слове на день Рождества Богородицы Андрей Критский назвал его «началом праздников», который «служил дверью благодати и истине... имея началом Рождество Богородицы, а концом соединение Слова с плотью...»⁶⁵. В этих словах раскрывается общий смысл и образ Дома Премудрости Божией, когда предвиденная пророком Иезекииелем

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 30. С. 202.

⁶⁵ Избранные слова... 1898. С. 44–54. С. 44–54.

Богородица — образ храма — выступает дверью заключенной, которой вошел Господь, чтобы сотворить избавление людям своим (Иез 44: 1–3).

Литература

- Азбелев С. Н. Новгородское летописание XVII века // Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 264–265.
- Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. М., 1962. № 14. С. 3–26.
- Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV веков // Советская археология. 1973. № 3. С. 100–111.
- Антипов И. В. Об атрибуции и датировке некоторых построек новгородского Владычного двора // София. 2013. № 3. С. 3–9.
- Антипов И. В., Булкин В. А., Жервэ А. В. Археологическое изучение Владычной палаты Новгородского кремля // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2007. Вып. 21. С. 318–319.
- Булкин В. А. Новгородское зодчество начала XII в. по новым археологическим материалам // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира XII в. СПб., 2002. С. 270–278.
- Брунов Н. И., Травин Н. Д. Собор Софии в Новгороде // Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР. М., 1947. Вып. 7. С. 1–41.
- Брюсова В. Г. Страница из истории Софийского собора в Новгороде // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 42–46.
- Буров В. А. О социальной топографии Новгородского детинца в X–XV вв. // Археология и история: Псков и Псковская земля. Тезисы научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 24–25.
- Виноградов А. Ю., Ёлишин Д. Д. Шавшетский храм в Синокоти: Проблемы купольной базилики и кирпичного зодчества в юго-западной Грузии // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2017. Т. LXXXIV. С. 151–163.
- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV. М., 1961. Т. 1. XII столетие.
- Воронова М. А. Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1988/1989. С. 73–75.
- Голубцов А. Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899.
- Гордиенко Э. А. Икона «Спас царя Мануила» и Сказание о ней в истории новгородской церкви // НИС. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 48–74.
- Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.
- Гордиенко Э. А. Великий Новгород. М.: Интербук-Бизнес, 2005.
- Гордиенко Э. А. Старшие Мономаховичи и архитектура Новгорода XII века (к постановке проблемы) // Времена и судьбы: Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 37–59. [Гордиенко, 2006а]
- Гордиенко Э. А. Где был Поромонь двор? // ВИД. СПб., 2006. Вып. 36. С. [Гордиенко, 2006б]
- Гордиенко Э. А. Новгородское храмовое зодчество конца XI — начала XII в. в контексте социальных отношений // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 1 (13). С.
- Дзеуцкер Е. С., Казеннов С. М. Изменения гидрогеологических условий на территории Новгородского кремля за тысячелетний период ее хозяйственного использования // НИС. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 129–136.
- Древний Новгород: Прикладное искусство и археология / Составители Б. Колчин, В. Янин, С. Ямщиков. М., 1985.
- Избранные слова святых отцев в честь и славу Пресвятой Богородицы. СПб., 1898. С. 44–54.
- Иоаннисян О. М. Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой

посвящается. М., 2005. С. 31–69.

Иоаннисян О. М. Однонефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр): Функции и типология // Труды Государственного Эрмитажа. Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2013. Т. LXIX. С. 64–116.

Казеннов С. М. Реконструкция палеорельефа кремля на начальный период активного градостроительного освоения (XI–XII вв.) // НИС. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 137–142.

Кирпичников А. Н. Архитектурно-археологическое изучение Новгородского кремля // НИС. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 76–88.

Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. М., 1953. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 32.)

Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: «50 лет раскопок Новгорода». М., 1982. С. 3–137.

Комеч А. И. Роль приделов в формировании общей композиции Софийского собора в Новгороде // Средневековая Русь. М., 1976. С. 147–150.

Комеч 1987.

Концевий В. Я., Самойлов К. Г. О некоторых аспектах культуры средневекового Новгорода // НИС. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 3–14.

Кудрявцев И. Н. Деревянные полуколонны из Новгорода и их североευропейские аналогии // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2: Древняя Русь. Новые исследования. С. 211–218.

Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997.

Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Кремль (Детинец, Город, Каменный город) // Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 254–257.

Кушниц И. И. О культурном слое Новгорода // Советская археология. 1960. № 3. С. 217–224.

Кушниц И. И. О культурном слое Новгорода // Советская археология. 1964. № 4. С. 227–228.

Кушниц И. И. К топографии древнего Новгорода // Советская археология. 1975. № 3. С. 176–180.

Макарий, архим. Древние церковные обряды в Новгороде по указанию письменного архиерейского чиновника или устава. М., 1861.

Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1862. Ч. 1.

Мильчик М. И. Итальянские мастера — строители Ивангородской крепости // НИС. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 184–202.

Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

Носов Е. Н. Новгородский детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // НИС. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 5–17.

Орлов С. Н. К топографии Новгорода XXVI в. // Новгород : К 1100-летию города. Сб. статей. М., 1964. С. 286–296.

Орлов С. Н., Воробьев А. В. Оборонительные укрепления Древнего Новгорода. Новгород, 1959.

Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

Петров М. И., Трояновский С. В. Моделирование палеорельефа исторической территории на примере Новгородского кремля // Круг идей: Традиции и тенденции исторической информатики. М., 1997.

Петрова Л. И. О культурном слое Новгородского кремля // НИС. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 18–24.

Петрова Л. И., Трояновский С. В. Сводный план раскопов, шурфов и участков наблюдений за земляными работами на территории Новгородского кремля // НИС. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 25–75.

Петрова Л. И., Трояновский С. В., Фирсова Н. Д. О методике моделирования палеорельефа исторической территории (опыт построения модели палеорельефа Великого Новгорода) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 172–176.

Попов В. А. Церковь Благовещения на Городище // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2014. С. 404–407.

Раппопорт П. А. Русская архитектура на рубеже XI–XII веков // Древнерусское искусство: Проблемы

и атрибуции. М., 1977. С. 12–29.

Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982.

Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб., 1994. URL: <http://www.russiancity.ru/books/b36c.htm> (дата обращения: 15.04.2018).

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

Секретарь Л. А. Церковь вмч. Андрея Стратилата // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2014. С. 122–124. [Секретарь, 2014а]

Секретарь Л. А. Собор Рождества Богородицы // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2014. С. 231–236. [Секретарь, 2014б]

Строков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 году // КСИИМК. 1945. № 11. С. 65–73.

Строков А. А., Богусевич В. А. Археологическое изучение Новгорода. Новгород, 1939. С. 3–17.

Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К. Раскопки в Новгородском кремле в 1938 г. // НИС. Новгород, 1939. Вып. 5. С. 3.

Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К. Предварительный отчет о раскопках в Новгороде в 1939 г. (южная часть Кремля) // НИС. Новгород, 1940. Вып. 7. С. 3–7.

Трояновский С. В. История изучения Новгородского кремля // НИС. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 89–111.

Трояновский С. В. О некоторых результатах раскопок в Новгородском кремле в 1993–1996 гг. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 58–70.

Трояновский С. В., Гайдуков П. Г., Молчанов М. М. О «купеческом кошельке» из раскопок 1938 года в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 122–137.

Трояновский С. В., Корчагина О. А., Стеценко Н. К. Раскопки на Владычном дворе Новгородского кремля // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 12–17.

Филиппова Л. А., Кузьмина Н. Н. Церковь Вмч. Феодора Стратилата на Щирковой улице // Архитектурное наследие Великого Новгорода. СПб., 2014. С. 176–179.

Штендер Г. М. Первичный замысел и последующие изменения галерей // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 30–54.

Штендер Г. М. Вступительная статья // Каргер М. К. Новгород. М., 1980. С. 7.

Штендер Г. М. К вопросу о галереях Софии Новгородской (по материалам археологического исследования северо-западной части здания) // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1982. Вып. II. С. 6–27.

Янин В. Л. Устав князя о мостех // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1968. С. 91–122.

Янин В. Л. «Семисоборная роспись» // Средневековая Русь. М., 1976. С. 108–117.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

Янин В. Л. О продолжительности строительства Новгородского кремля конца XV в. // Советская археология. 1978. № 1. С. 259–268.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 79–95.

Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.

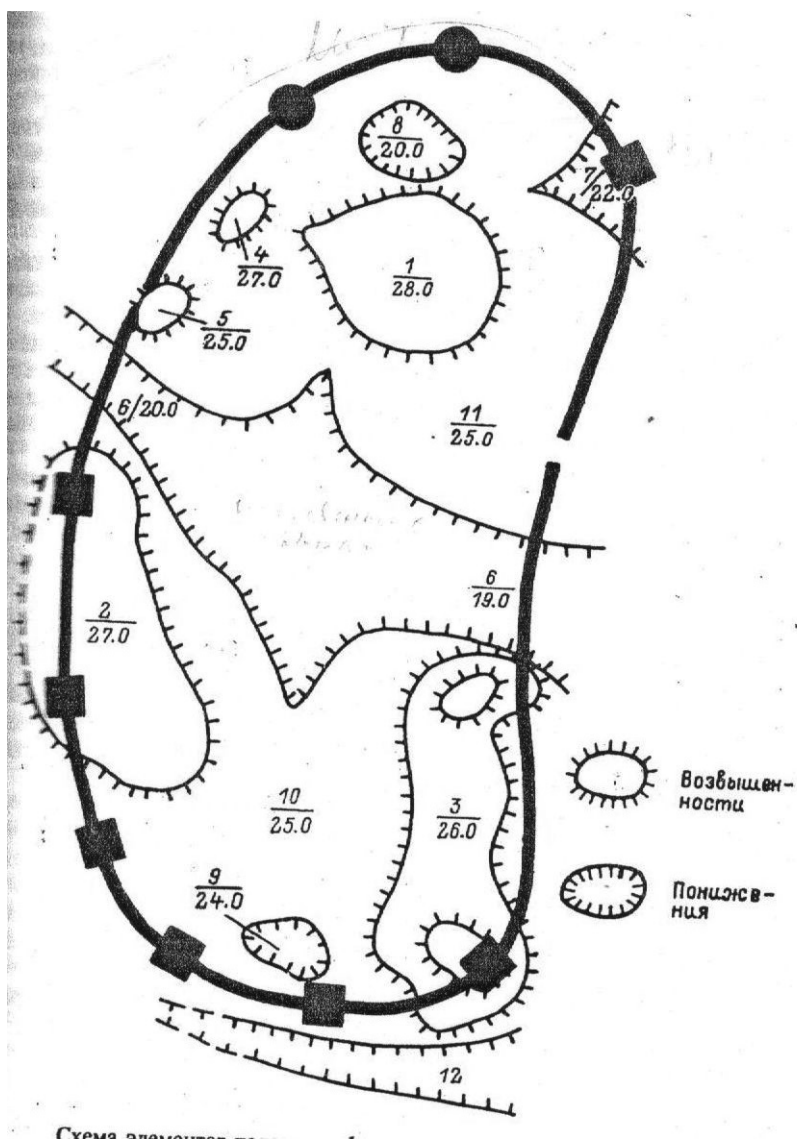
Янин В. Л. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М., 1999.

Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце (о новгородском источнике Жития Александра Невского) // Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 245–253.

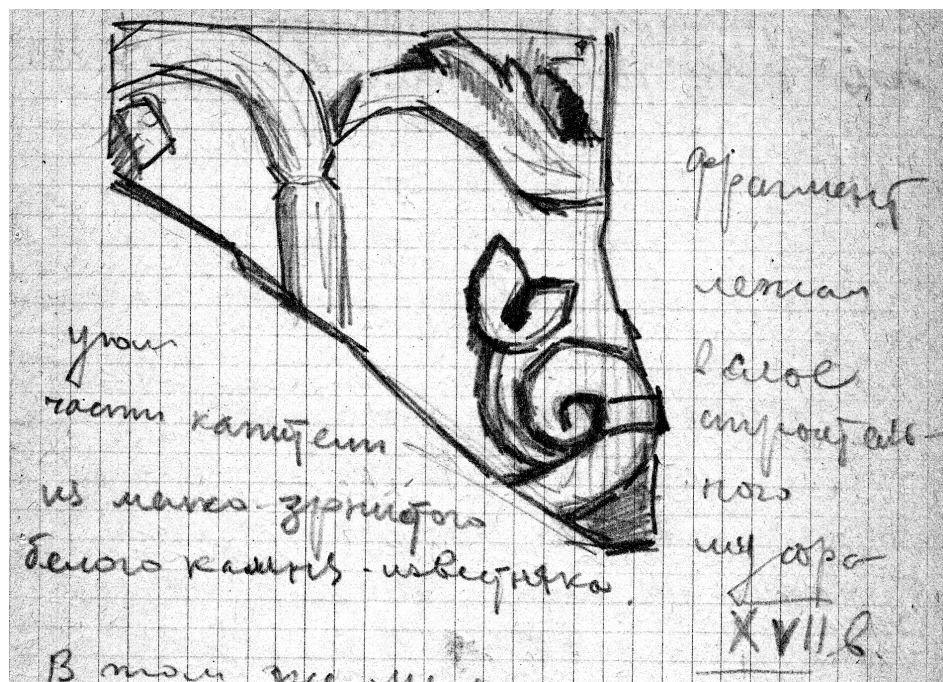
Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.

Lagerlöf T., Solt D. Eke Kyrka // Sveriges Kyrkor. Stockholm, 1974. Vol. 156. S. 467–538.

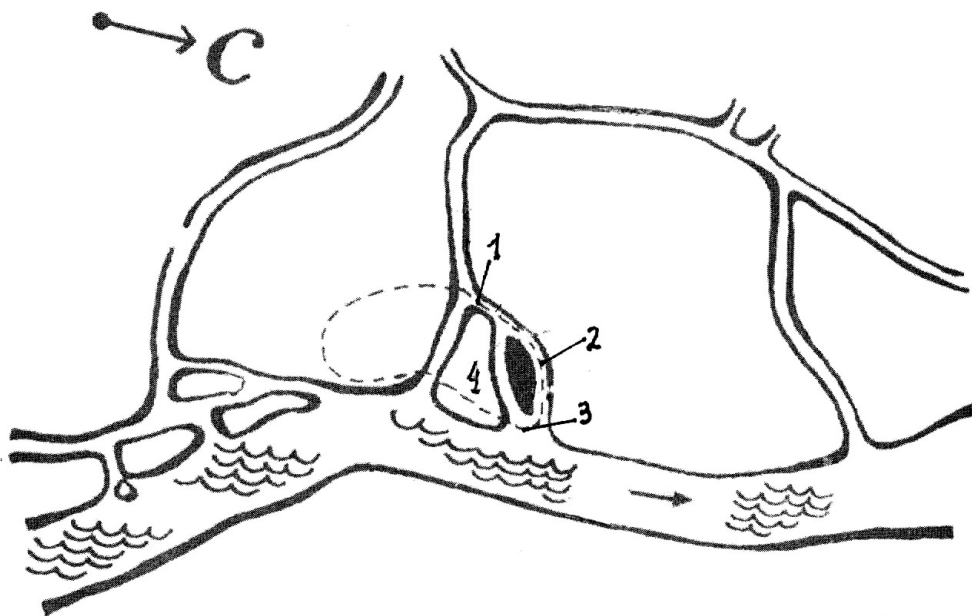
Ил. 1. Схема элементов палеорельефа территории Новгородского кремля.

Рис. С.М. Казеннова

Ил. 2. Капитель из мелкозернистого известняка из церкви Бориса и Глеба.

Рис. П.А. Мартынова.

Ил. 3. Схема водных потоков (обозначены цифрам 1—4) в южной части детинца.

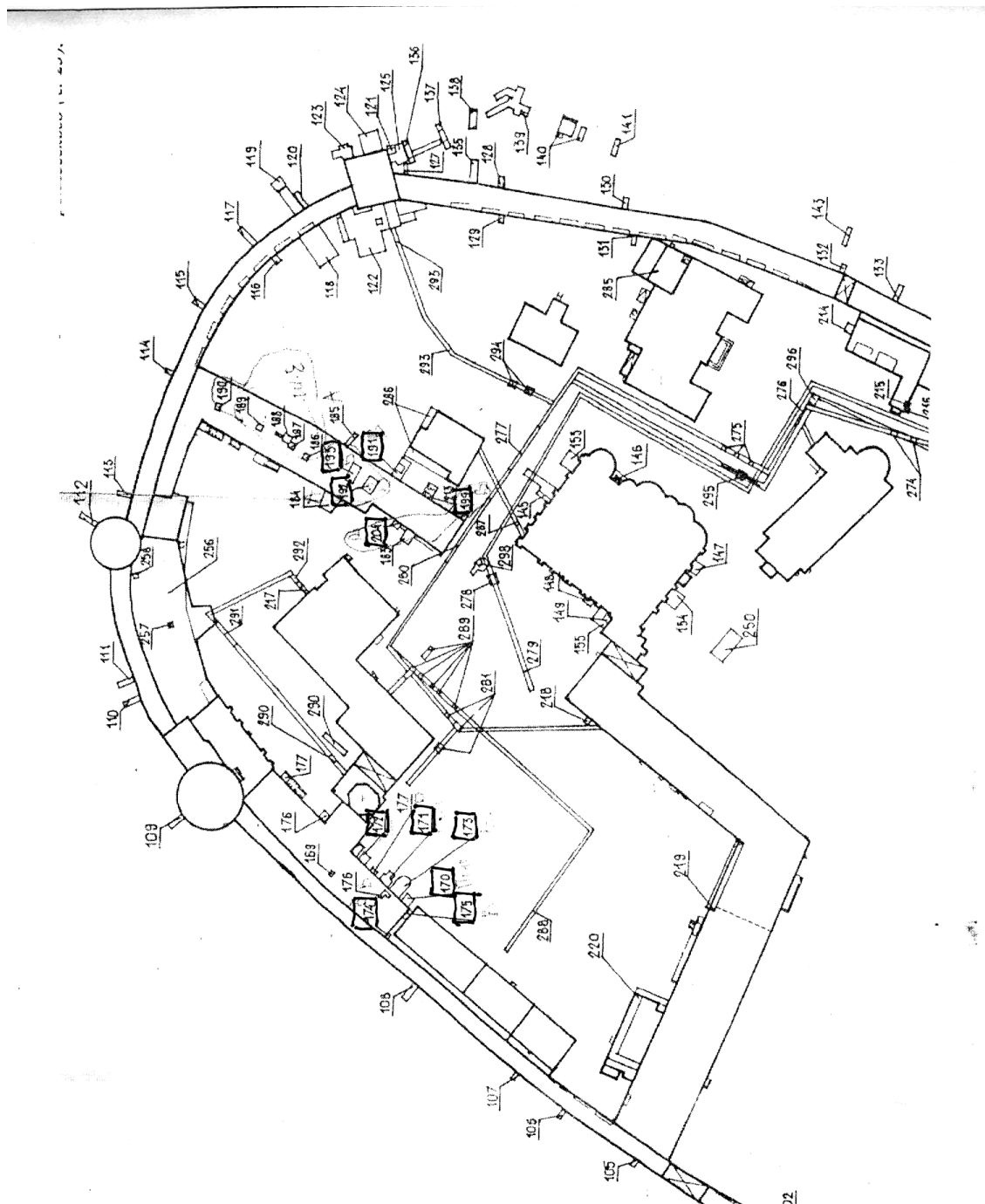
Рис. Г. М. Штендера

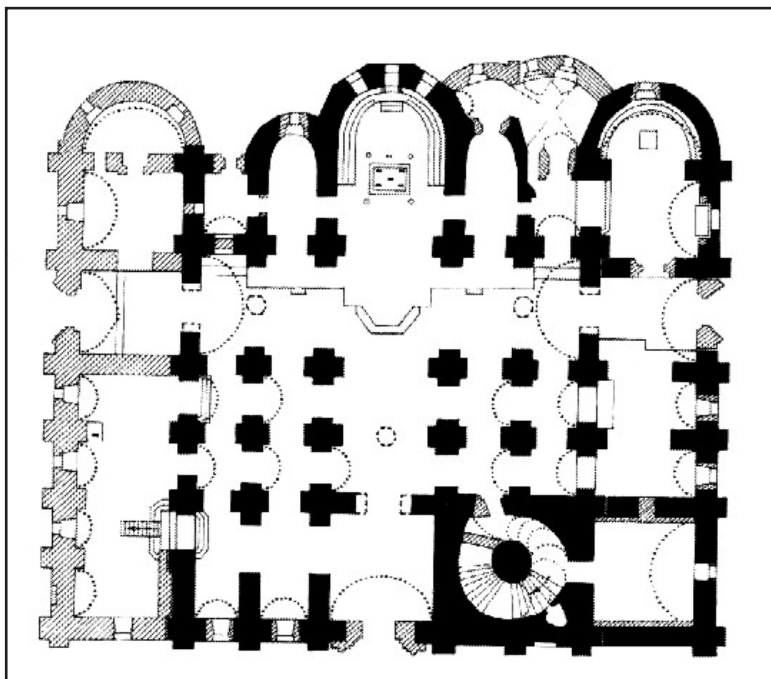
Ил. 4. Арочный проход для грунтовых вод в подвале Владычной палаты. XV в.

Ил. 5. Дубовая дренажная труба XV в.

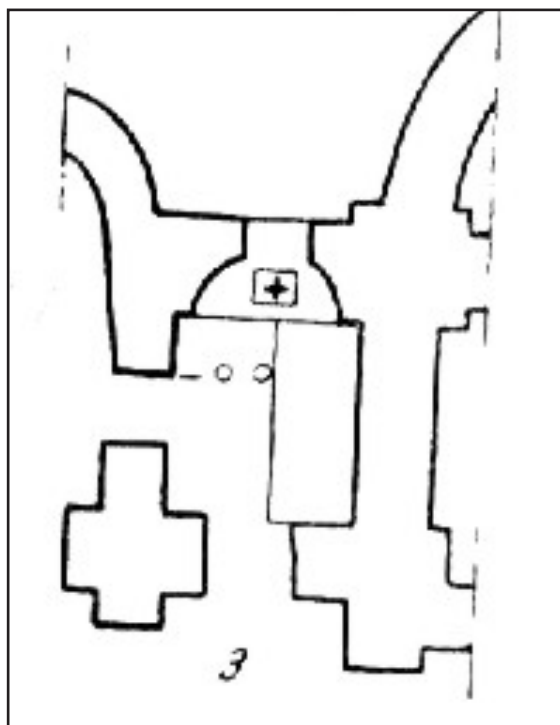

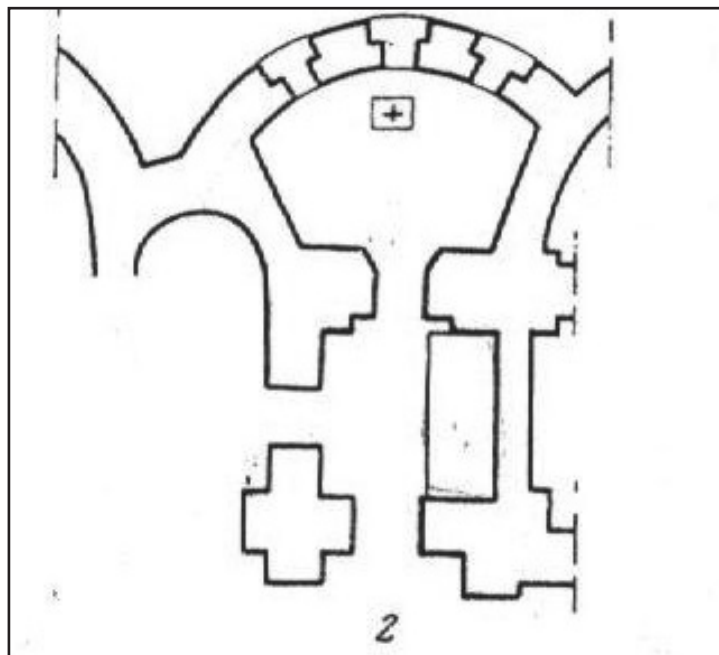
Ил. 6. Л.И Петрова., С.В.Трояновский. Сводный план раскопов, шурфов и участков наблюдений за земляными работами на территории Новгородского кремля: НИС. СПб., 1995. Вып 5)15). Рис. 1. (Вкладка) Черным контуром обозначены места раскопок В.А. Понсова и М. А. Вороновой

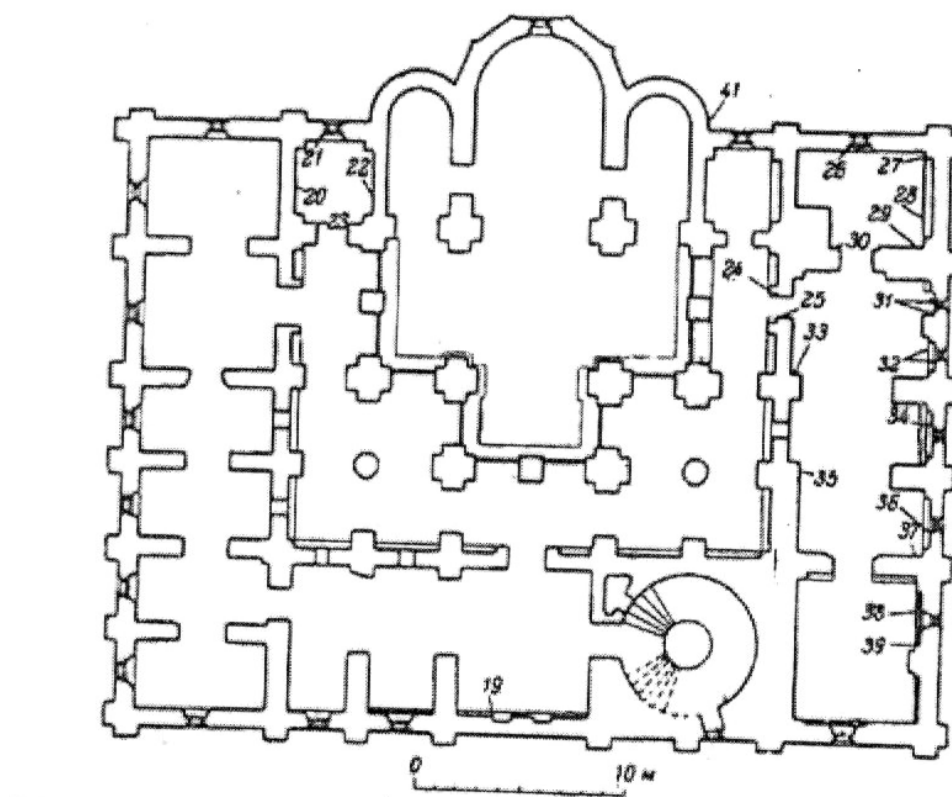
Ил. 7. Софийский собор 1045–
1050/52. План.

Ил. 8. Придел Иоакима и Анны в
1550 г. (По В.Г. Брюсовой)

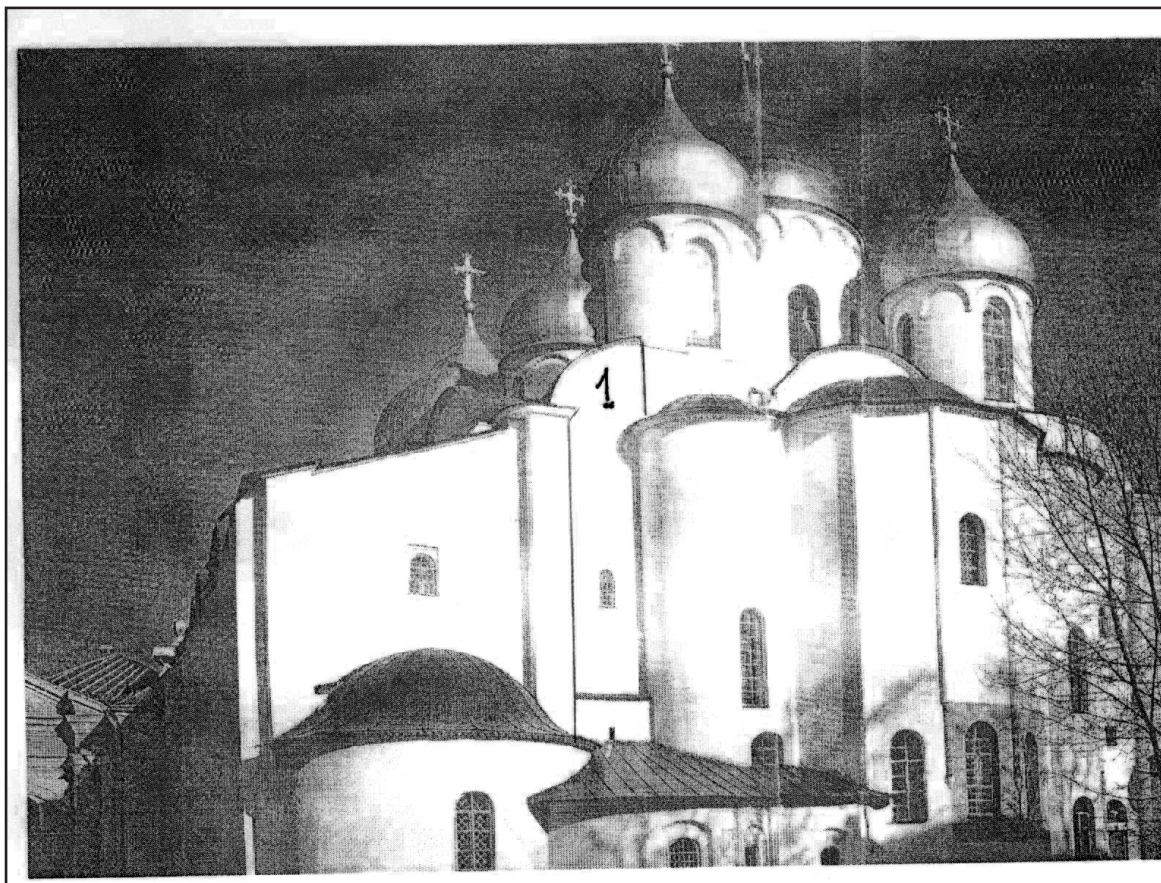
Ил. 9. Придел Иоакима и Анны в 1558 г. (По В.Г. Брюсовой)

Ил. 10. План II яруса Софийского собора с указанием номеров зондажей на уровне хор. (По Н.И. Брунову)

Ил. 11. Резной камень из церкви Иоакима и Анны. Фрагмент престола X в.

Ил. 12, 1. Малый южный узкий неф Софийского собора.